

УДК 808.2:801.55=161(075.8)

## МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОБРАЗА В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ ЭСТЕТИКИ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ

*Г.А. Хайрутдинова*

### Аннотация

Статья посвящена проблеме эстетики языковых единиц, в рамках которой исследуются эстетические ресурсы морфологических средств, используемых для формирования образности художественного текста. Значительное внимание уделено характеристике морфологических единиц, связанных с реализацией эстетических возможностей грамматического рода существительных. Результаты проведённого исследования опровергают традиционную оценку морфологических средств как чисто «строевых» элементов, придающих языку лишь минимум первичной упорядоченности.

**Ключевые слова:** эстетические ресурсы языковых единиц, художественный образ, морфологические средства русского языка.

Анализ лингвистических работ, публиковавшихся начиная с 20–30-х годов прошлого столетия по настоящее время, позволяет выявить весьма неоднозначную, пёструю картину мнений по поводу трактовки понятия «эстетика языковых единиц». Наиболее известной можно назвать ту позицию учёных, в соответствии с которой эстетика языковых единиц связана с восприятием и переживанием прекрасного [1, с. 432–434]. С точки зрения Р.О. Якобсона, эстетические возможности языковых элементов обусловлены установкой адресанта на выражение, направленностью формы речи на самоё себя [2, с. 274–275]. Как полагает В.В. Виноградов, эстетические функции языковых средств следует описывать в связи с анализом различных способов развёртывания речи, её композиционной организации [3, с. 166–168].

Согласно мнению Г.О. Винокура, эстетические свойства языковых единиц проявляются в мотивированности их использования [4, с. 192–194]. Б.А. Ларин, рассматривая языковые элементы в эстетическом ракурсе, считает необходимым отметить их внедрённость в целое высказывание, соотнесённость с уровнем законченного литературного произведения [5, с. 153–156]. Обращает на себя внимание тот факт, что при осмыслении эстетических свойств языковых единиц в качестве основополагающего исследователи используют не один, а несколько их признаков. Так, согласно мнению Л.А. Новикова, эстетические функции языковых единиц определяются мотивированностью их употребления, художественным преобразованием в составе текста, образными потенциями и некоторыми другими факторами [6, с. 78; 7, с. 40–50].

Знакомство с лингвистическими работами (трудами Е.И. Василевской, Е.Г. Ковалевской, Е.Н. Матвеевой, В.Ю. Меликяна, Н.Е. Сулименко, Ю.С. Языковой), ориентированными на исследование эстетики языковых единиц преимущественно с учётом её эмпирического уровня, также не даёт оснований для вывода о том, что данная проблема изучена в полном объёме и во всех своих аспектах [8, с. 104–107].

Мы считаем, что при рассмотрении эстетики языковых единиц целесообразно придерживаться широкого подхода, предусматривающего ориентацию на эстетическое как наиболее общую категорию эстетики. В плане изучения языка литературных произведений эстетическими ресурсами обладают те языковые единицы, которые способны оказывать эстетическое воздействие на читателя. Однако приведённая общая формулировка вряд ли может быть принята в качестве окончательной. Необходимо ответить на самый существенный вопрос: в чём же состоит подобное воздействие?

С нашей точки зрения, сущность эстетического воздействия языка литературного произведения на читателя состоит в том, что он в процессе чтения получает духовное наслаждение, то есть испытывает чувственно-рациональное переживание, главными составляющими которого являются эстетическое удовольствие, игра душевных сил, ощущение радости, полноты бытия. Состояние духовного наслаждения от восприятия художественного текста обусловлено и свойствами самих языковых единиц, и характером их употребления, а именно новизной, образностью, пластичностью, соотнесённостью со всем литературным произведением как целостным эстетическим объектом, способностью наиболее полно и точно воплощать идейно-художественный замысел писателя.

К числу основных аспектов анализа языковых единиц как эстетически значимых элементов художественного текста следует отнести их изучение с точки зрения: а) отражения эстетических категорий (прекрасного, возвышенного, трагического, комического); б) формирования художественного образа; в) традиций, обусловленных формой речи (стихотворной или прозаической); г) отражения эстетики литературного направления, к которому тяготеет художественное произведение; д) реализации его жанрового своеобразия; е) воплощения идейно-художественной основы; ж) описания важнейших свойств композиционного построения; з) определения индивидуальных особенностей стиля.

В рамках настоящей статьи рассмотрим лишь один из названных аспектов исследования – создание художественного образа с использованием морфологических средств русского языка.

Как известно, понятие образа является одним из ключевых не только в лингвистике, но и в ряде смежных наук гуманитарной сферы – в семиотике, литературоведении, психологии. Особенно активно проблемы образотворчества (Г.В. Степанов) и образности художественной речи освещались в трудах лингвистов второй половины XX в. Подводя итоги научной дискуссии по данной проблеме, В.В. Виноградов пишет о необходимости создания глубоко разработанной языковедческой концепции образа. Своё мнение по этому вопросу он формулирует так: «Слово в художественном произведении, совпадая по своей внешней форме со словом соответствующей национально-языковой системы и опираясь на его значение, обращено не только к общенародному языку... но и к тому

миру художественной действительности, который создаётся или воссоздаётся в художественном произведении. <...> Поэтому оно двупланово по своей смысловой направленности и, следовательно, образно. Его смысловая структура расширяется и обогащается теми художественно-изобразительными “приращениями” смысла, которые развиваются в системе целого эстетического объекта» [9, с. 92–93, 96].

Если для В.В. Виноградова исходной позицией при разработке лингвистической концепции образа остаётся слово, то Д.Н. Шмелёв рассматривает данный вопрос в более широком контексте междисциплинарных знаний. Своеобразие языка художественной литературы учёный обуславливает его собственной функцией – быть формой выражения образного содержания литературно-художественных произведений. Поэтому «все элементы формы языка художественного произведения “образны” в том смысле, что они выражают образное содержание» [10, с. 41].

Широкий подход к пониманию проблемы образа и образности, характерный для теории Д.Н. Шмелёва, получил отражение и в работах других учёных. Так, согласно мнению И.Б. Роднянской и В.В. Кожина, художественный образ – это всеобщая категория художественного творчества, специфические для него способ и форма освоения жизни, «язык» искусства и вместе с тем – его «высказывание» [11, с. 363]. С.М. Мезенин подчёркивает эстетическую значимость данной проблемы. Он определяет образ как конкретную и в то же время обобщённую картину человеческой жизни, имеющую эстетическое значение и созданную при помощи языка. Образным средствам языка присущи такие свойства, как двойственность семантики, индивидуальность, невоспроизводимость выражения [12, с. 50–51].

Перспективным представляется подход В.П. Москвина, предпринявшего попытку сопоставления данного психического конструкта со смежными образованиями – понятием и представлением. Соотнесение понятия с образом позволяет осознать сенсорную, наглядно-чувственную природу последнего. Сравнение образа с представлением даёт возможность выявить такие характеристики образа, как тенденциозность и оценочность. Обобщая различные точки зрения лингвистов по данной проблеме, В.П. Москвин пишет, что термин *образ* в филологии используется в двух основных значениях: 1) ‘художественный образ’ и 2) ‘словесный образ’. Художественный образ (портретный, пейзажный и др.) заключён в словесном описании, то есть фрагменте текста (и потому литературно-художественный образ по форме выражения является текстовым), словесный же образ заключён во внутренней форме слова (и потому именуется словесным). Словесный образ наравне с дескриптивной лексикой в прямом употреблении, приёмами звуковой и графической образности является одним из средств для построения художественного образа [13, с. 33–35, 39].

Очевидно, что основные положения В.П. Москвина, относящиеся к определению природы образа, к вопросу о разграничении художественного и словесного образа, могут быть приняты. Однако арсенал средств создания художественного образа следует дополнить за счёт включения средств, связанных с актуализацией тех аспектов, которые принято изучать в рамках грамматического учения о слове (по В.В. Виноградову).

Как известно, морфологические ресурсы языка способны принимать непосредственное участие в создании художественных образов литературного произведения. Немалыми возможностями, например, обладают залоговые формы глагольных лексем в составе пассивных конструкций. На художественное значение ряда предложений из поэмы Н.В. Гоголя «Мёртвые души» обратил внимание В.В. Виноградов. С помощью пассивных конструкций Гоголь изображает «пассивное, как бы механизированное и предустановленное жизненной традицией, её автоматизмом... поведение» Чичикова: *Не без радости был вдали узрет полосатый шлахбаум; Здесь был испущен очень глубокий вздох; Отпущено было в зеркало несколько поклонов в сопровождении неясных звуков, отчасти похожих на французские, хотя по-французски Чичиков не знал вовсе* [14, с. 249].

С нашей точки зрения, здесь важно указать и на роль эстетических ресурсов категории залога. Приведённый языковой материал показывает, что формы страдательного залога, которые у глаголов совершенного вида представлены краткими страдательными причастиями, в составе пассивных конструкций выступают в качестве яркого языкового средства характеристики Чичикова, указывая на механистичность поведения этого персонажа. Таким образом, залоговые формы глагола реализуют важнейший компонент художественной идеи писателя: Чичиков, несмотря на свою предприимчивость и прагматичность, также принадлежит к галерее «мёртвых душ».

Изучение морфологических средств русского языка, используемых для создания художественного образа, позволило нам сделать также ряд самостоятельных наблюдений. В ряде случаев воплощению художественного образа способствует приём намеренного изменения частотности употребления слов той или иной части речи. Обратимся к небольшому отрывку из юмористического рассказа В. Чудодеева «Глаголы женского рода». В данном фрагменте, как и в тексте всего рассказа, обнаруживается вполне очевидный отказ автора от использования всех частей речи, кроме глагола:

*Бросилась одеваться. Влезла, накинула, стала напяливать – не лезет, забыла раскрутиться. Ринулась – заперто, бреется. Забарабанила. Вытолкала, плеснула, мазнула, чесанула. Наказала разбудить, накормить, проводить. Чмокнула. Выскочила. Помчалась.*

*Отходит! Догнала, уцепилась, повисла. Светло. Разжмается. Закричала. Помогли – поднажали, втиснули. Доехала. Продралась. Выскочила. Оступилась, отломила. Выругалась. Обернулись. Заковыляла. Звенит! Поскакала. Скинула, схватила, побежала, ворвалась, оттолкнула, проскочила. Отлегло!*

Всего в рассказе использовано 370 слов, среди которых глаголы составляют 352 единицы (95.14% по отношению к общему количеству лексем). Анализ показывает, что данное соотношение языковых единиц во много раз превышает как общий показатель функционирования глаголов в речи (17.12%), так и частотность употребления глаголов в художественной прозе (18.96%) [15, с. 927]. Насыщение текста глаголами, усиливающими динамику сюжета, позволяет автору не только придать тексту комическое звучание, но и в нестандартной форме отразить образ современной женщины. Эстетическая энергетика текста состоит также в том, что писатель, намеренно отказываясь от употребления других частей речи, оставил некоторый простор для фантазии, сотворчества читателя, который получает

удовольствие от своего умения извлечь всю гамму референциальных и прагматических смыслов из текста, составленного при помощи нарочито обеднённого инвентаря.

Эстетическими ресурсами обладают и другие средства морфологического уровня языка. Так, М.Е. Салтыков-Щедрин с целью создания образа Карася-идеалиста, прекраснотушного фразёра, приверженца иллюзий социалистов-утопистов, активно употребляет грамматические архаизмы *отче, да послужат* и др. Устаревшие грамматические формы можно считать одним из приёмов характерологической стилизации речи персонажа, свидетельствующим о его оторванности от жизни, в отличие, например, от речи более практичного и реалистически воспринимающего действительность Ерша. С целью иллюстрации сказанного приведём одну из реплик Карася, в которой используется устаревшая форма звательного падежа существительного *отец*: *Например, монах меня в ухе захочет сварить, а я ему скажу: не имеешь, отче, права без суда такому ужасному наказанию меня подвергать!* («Карась-идеалист»).

Актуализация эстетического потенциала слова как единицы морфологии может быть обусловлена своеобразием лексемы, связанным с её отнесённостью к определённому лексико-грамматическому разряду. Изучение одной из первых повестей М.М. Пришвина «Колобок» позволяет сказать, что образный строй этого произведения основан на ранних впечатлениях автора, мальчишеской вере в существование неведомой прекрасной страны, куда он хотел убежать в далёком детстве. Важную роль в повести играют собственные имена, класс которых составляют не только названия населённых пунктов, рек и гор северной части России, имена местных жителей, но также фольклорные и литературные онимы. Особо следует выделить имена сказочных персонажей: *Иванушка-дурачок, Марья Моревна, Мужичок-с-ноготок, Кощей Бессмертный, Баба-Яга, Змей Горыныч*. Именно этот пласт собственных имён вместе с другими приёмами (например, сказочным зачином *В некотором царстве, в некотором государстве*) способствует фольклорной стилизации, придаёт произведению особую, сказочную, тональность.

Простые люди из народа, с которыми писатель встречается во время своих скитаний, суровая природа северного края – почти всё это воспринимается автором с позиций той образной системы, которая была сформирована в нём в детские годы. Излюбленным приёмом использования онимов с целью создания образности в этом произведении Пришвина следует считать антономазию. Приведём несколько примеров:

- – *Укажи мне, дедушка, землю, – прошу я, – где не перевелись бабушки-задворенки, Кощей Бессмертные и Марьи Моревны.*

- *Дураково мне почему-то понравилось; я даже обиделся, что старик назвал деревню глупой. Она так называется, конечно, потому, что в ней Иванушки-дурачки живут. А только ничего не понимающий человек назовет Иванушку глупым.*

- – *А ты, Иванушка? Есть у тебя Марья Моревна? Глупый царевич не понимает. Ну, любовь. Любишь ты?*

Среди морфологических категорий наиболее широкими возможностями с точки зрения реализации эстетического потенциала языковых единиц обладает

категория рода существительных. Образность художественного текста может быть обусловлена родовой вариативностью субстантивов. Как известно, в XVIII – начале XX в. довольно большое число существительных употреблялось то в одном, то в другом роде. В современном русском языке вариативность постепенно угасает: многие существительные, некогда входившие в зону родовой вариативности, используются в форме одного рода. Тем не менее родовая вариативность существительных (таких, например, как *облак*, *жирафа*) является одним из факторов, определяющих эстетически значимое их использование в структуре художественного произведения.

Для подтверждения этого вывода обратимся к тексту «Сказки о царе Салтане...» А.С. Пушкина. Существительное женского рода *лебедь*, которое в течение длительного времени обнаруживало колебания в грамматическом роде, автор использует как с целью усиления контраста (коршун, злой волшебник – лебедь, добрая волшебница), так и с учётом двойственности этого художественного образа (и птица, и девушка): *К морю лишь подходит он, / Вот и слышит будто стон... / Видно, на море не тихо; / Смотрит – видит дело лихо: / Бьётся лебедь среди зыбей, / Коршун носится над ней; / Та бедняжка так и плещет, / Воду вокруг мутит и хлещет... / <...> / Он скорей царицу будит; / Та как ахнет!.. «То ли будет? – / Говорит он, – вижу я: / Лебедь тешитя моя».*

Высока значимость такого фактора, как семантическая гетерогенность языковых единиц, составляющих родовые группы субстантивов. Речь идёт о двух группах существительных – мужского и женского рода. В каждом из названных грамматических объединений имеются как существительные, обладающие денотативным компонентом значения рода, так и не содержащие этого компонента. Семантическая неоднородность существительных в каждой группе предметных лексем при наличии их эквивалентности с точки зрения отнесённости к одному и тому же роду обуславливает возможность эстетического применения данных языковых единиц в целях создания художественного образа.

Обратимся к иллюстративному материалу: *Есть град с восковою стеной, / С палатой из титл и заставок, / Где вдовы Ресницы живут / С привратницей – Родинкой доброй* (Н.А. Клюев «Белая повесть»); *В сиянии росистого убора / Ко мне идёт моя невеста – ночь / Из-под шатров колдующего бора* (Ю.Н. Верховский «Сонеты. Дева-птица»); *А в комнате, где правит стол, / есть печь – серебряная львица* (Б.А. Ахмадулина «Пора, прощай, моя скала...»). Как известно, у неодушевлённых существительных женского рода *ресницы*, *родинка*, *ночь*, *печь* в системе языка отсутствует денотативный компонент грамматического значения рода. Однако благодаря намеренному их сближению в контексте стихотворной речи с одушевлёнными субстантивами женского рода, обладающими семантическим признаком пола, данные существительные приобретают квазиденотативный компонент соответствующего значения, что служит одним из факторов образного (метафорического) использования этих языковых единиц.

С точки зрения эстетизации языковых единиц обращает на себя внимание коннотативная характеристика родовых граммем, включающая в себя в том числе и определённые ассоциативные представления, с которыми в коллективном сознании говорящих связываются существительные каждой из родовых групп. Известно, например, что существительные женского рода, являющиеся

родовыми коррелятами личных существительных мужского рода, обладают отрицательной коннотацией (ср. *поэтесса, председательша, шофёрша* и др.). Наличие в языке таких единиц создаёт благоприятные предпосылки для их эстетически мотивированного использования в комплексе средств, формирующих художественный образ, например: *В швейной фабрике, / что в Старице тверской, / выступала поэтесса / со своей тоской... / Всё треской тоскливою / глядела / да тоской ленивою / звенела* (М.Н. Аввакумова «В швейной фабрике...»). Благодаря использованию субстантива женского рода *поэтесса* в сатирическом контексте стихотворения данный родовой коррелят реализует вполне определённую коннотацию. Наряду с указанием на пол лица слово *поэтесса* выполняет ещё и характеризующую функцию: подчёркивается, что гостя швейной фабрики – это далёкий от реальной жизни, эстетствующий и, главное, неталантливый стихотворец. Не случайно конец произведения содержит достаточно суровый приговор плодам её «поэтического воображения»: *И стена воздвигнулась меж ними: женищинами грозными и словом.*

Таким образом, анализ фактического материала показывает, что морфологические средства языка обладают немалыми эстетическими ресурсами, в том числе и с точки зрения формирования образности художественного текста. Поэтому трудно согласиться с мнением Л.Ф. Тарасова, полагающего, что «большая часть грамматических категорий... собственно эстетического значения не имеет, а лишь сообщает языку... минимум первичной упорядоченности» [16, с. 6].

### Summary

*G.A. Khairutdinova. Morphological Means for Creating an Artistic Image in the Context of Aesthetics of Language Units.*

The article deals with aesthetics of language units and explores aesthetic resources of morphological means used to create artistic imagery in a literary text. Considerable attention is paid to the characteristics of the morphological units associated with the implementation of the aesthetic potential of grammatical gender of nouns. The results of the research disprove the traditional assessment of morphological tools as purely structural elements that give a language only a minimum of initial ordering.

**Keywords:** aesthetic resources of language units, artistic image, morphological means of the Russian language.

### Литература

1. *Шпет Г.Г.* Эстетические фрагменты // Шпет Г.Г. Сочинения. – М.: Правда, 1989. – С. 345–474.
2. *Якобсон Р.О.* Новейшая русская поэзия // Якобсон Р.О. Работы по поэтике. – М.: Прогресс, 1987. – С. 272–316.
3. *Виноградов В.В.* К построению теории поэтического языка // Русская словесность: от теории словесности к структуре текста. Антология. – М.: Academia, 1997. – С. 163–177.
4. *Винокур Г.О.* Об изучении языка литературных произведений // Русская словесность: от теории словесности к структуре текста. Антология. – М.: Academia, 1997. – С. 178–201.

5. *Ларин Б.А.* О разновидностях художественной речи (семантические этюды) // Русская словесность: от теории словесности к структуре текста. Антология. – М.: Academia, 1997. – С. 149–162.
6. *Новиков Л.А.* Значение эстетического знака // Новиков Л.А. Избранные труды: в 2 т. – М.: Изд-во РУДН, 2001. – Т. 2: Эстетические аспекты языка. Miscellanea. – С. 78–87.
7. *Новиков Л.А.* Значение как эстетическая категория языка // Новиков Л.А. Избранные труды: в 2 т. – М.: Изд-во РУДН, 2001. – Т. 2: Эстетические аспекты языка. Miscellanea. – С. 37–55.
8. *Хайрутдинова Г.А.* Эстетические ресурсы морфологических средств русского языка: Дис. ... д-ра филол. наук. – Казань, 2009. – 356 с.
9. *Виноградов В.В.* К спорам о слове и образе // Вопр. литературы. – 1960. – № 5. – С. 66–96.
10. *Шмелёв Д.Н.* Слово и образ. – М.: Наука, 1964. – 120 с.
11. *Кожин В.В., Роднянская И.Б.* Образ // Краткая литературная энциклопедия: в 9 т. – М.: Сов. энцикл. 1968. – Т. 5. – С. 363–369.
12. *Мезенин С.М.* Образность как лингвистическая категория // Вопр. языкознания. – 1983. – № 6. – С. 48–57.
13. *Москвин В.П.* К типологии речевых образов // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. – 2004. – Т. 63, № 2. – С. 33–41.
14. *Виноградов В.В.* Проблемы русской стилистики. – М.: Высш. шк., 1981. – 320 с.
15. Частотный словарь русского языка / Под ред. Л.Н. Засориной. – М.: Рус. яз., 1977. – 936 с.
16. *Тарасов Л.Ф.* Поэтическая речь (типологический аспект). – Харьков: Вища шк., 1976. – 140 с.

Поступила в редакцию  
11.05.13

---

**Хайрутдинова Гульшат Ахматхановна** – доктор филологических наук, доцент кафедры современного русского языка и методики преподавания, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия.

E-mail: [Kgulshat@yandex.ru](mailto:Kgulshat@yandex.ru)